

в конечном счете — проигрыш дела; сами же соприсяжники, допустившие ошибку, подвергались штрафу. Распад родовых связей, обеднение основной массы крестьянства ослабляли роль института соприсяжничества для представителей низов общества. Зато для богатых и знатных сеньоров, окруженных верными им вассалами, этот старинный правовой институт сохранял свою значительную эффективность.

На третьем месте по доказательной силе стояли *ордалии* («божьи суды», т. е. обращения к сверхъестественным силам), заключающиеся в испытании кипящей водой в котелке, куда опускалась рука обвиняемого и где она держалась, пока производилась строго установленная сакраментальная формула. Применялись и испытания огнем, раскаленным железом, водой (когда подозреваемого бросали в реку) и т. д. Если раны, полученные вследствие таких испытаний, плохо заживали, это служило аргументом в пользу признания испытуемого виновным. От такого испытания можно было откупиться, внеся определенную сумму, величина которой зависела от размеров предполагаемого штрафа, если дело будет проиграно, — так, например, если сумма штрафа определялась в 35 солидов, выкуп составлял 6 солидов (глава LIII «О выкупе руки от котелка»). Естественно, что подобное допущение создавало преимущества для состоятельных участников процесса по сравнению с бедняками.

При отсутствии более сильных доказательств прибегали к другим видам доказывания, например, к жребию. Информация, содержащаяся в Салической правде, позволяет предполагать и возможность доказательств вины посредством судебных поединков (поединок назначался во всех случаях, когда ответчик обвинял истца в намеренной лжи). Выходить на поединок следовало лично; только женщины и старики могли выставить наймита. Победенный или убитый на поединке считался виновным и подлежал наказанию. По мере усиления процессов общественной дифференциации поединки между представителями различных социальных слоев становились невозможными. К рабам, являвшимся ответчиками, могла применяться пытка. Если хозяин раба троекратно отказывался выдать его суду, вся вина и вся ответственность за преступление перекладывалась на этого хозяина.